

Всероссийский конкурс исследовательских и проектных работ
школьников

«Высший пилотаж»

**Логические изыскания: последовательное изложение
материалистической логики и ее критическое
применение**

Проект

Направление: *«Философия»*

Область философского знания: «Логика и теория аргументации»

Выполнил: учащийся 11 «А» класса
МАОУ «Школа №14 им. В.Г. Короленко»
Филимонов Александр Алексеевич

Научный руководитель: преподаватель истории и
обществознания
МАОУ «Школа №14 им. В.Г. Короленко»
Дашкин Ринат Анвярович

2023 г.

Содержание

1. Введение.....	3
2. Основная часть	6
Глава I. Логика, являющаяся систематическим изложением оснований материалистического знания	-
Глава II. Критическое осмысление логических ошибок, господствовавших и господствующих в умах философов и обывателей.....	22
3. Общие положения	-
Критическое изложение.....	24
Заключение	39
Список использованной литературы.....	52

Введение

Необходимость разработки целостной материалистической системы вызвана упадком светской культуры, который невозможно не заметить особенно в образовательной среде. Приобретают необыкновенную популярность религиозно-идеалистические и метафизические направления, распространяются такие умонастроения, которые, захватывая школы, гимназии, лицеи и университеты, отдаляют наше образование от его подлинной цели – просвещения молодого поколения и приучения его к критическому воззрению. Положительное знание, обязанное занимать господствующее положение во всех жизненных сферах и верховенство которого провозглашается данными в этой работе логикой и критикой, в настоящее время не обнаруживает достойного места, что вынудило автора дать ответ.

Исключительнейшим образом завоевывают умственное пространство «филигранности» философов вроде Соловьева, Ильина, Данилевского, Флоренского, Хомякова и Бердяева на фоне игнорации интеллектуальных достижений Ламетри, Дидро, Гольбаха, Молешотта, Фохта, Бюхнера, Фейербаха, Писарева и Чернышевского. Именно эти гиганты, дерзнувшие брать штурмом небо, вооружили автора, взявшегося за написание этого сочинения. Данная работа вовсе не заслуживала бы внимания, если бы не заключала в себе противопоставления засилью религиозной мысли.

Причину популярности религиозных, идеалистических и метафизических систем вполне разумно усмотреть в бывшем отсутствии логики, верно выражающей действительность. Посему автором была поставлена цель систематически изложить не противоречащую себе логику, в рамках которой возможно вынести приговор всему, что противостоит трезвому осмыслению, всему, что понуждает мышление становится в антагонистические отношения с действительностью и при этом убеждать себя в лучшем ее понимании.

Вполне допускается, что люди, хорошо знакомые с миром мысли, люди, знающие не одну философскую систему и сведущие в истории философии,

не обнаружат здесь ничего кардинально нового, однако они будут вынуждены признать широту обобщений, сделанных автором. Обобщение, имеющее место в первой части и совершение которого предстает первой задачей, – это логика, сопрягающая в себе «скелет» положительной науки и материалистические системы Просвещения. Во второй части читатель увидит обобщение иного порядка, выполнение которого пришлось второй задачей и которое является критическим применением системы, данной в первой части.

В каждом параграфе первой части есть положения, обозначаемые латинскими буквами. В этих положениях разъясняются и доказываются тезисы параграфов. К некоторым положениям есть дополнения, которые обозначены буквами греческого алфавита. Эти дополнения необходимы для более точного и глубокого понимания положений. Также буквы греческого алфавита используются и для обозначения дефиниций одного параграфического понятия.

Стилистика изложения во второй части имеет несколько иной вид, чем в первой; столь существенное отличие обусловлено усложнением во второй части осмысливаемого предмета. В первой части автор этой дерзости вынужден был соблюсти логическую строгость и выхолощенность. Вольность повествования, которую можно заметить во второй части, вызвана тем, что логическая строгость выразилась в критическом отношении.

Теперь же стоит сказать о логике как таковой.

Логика есть рациональное осмысление действительности посредством абстрактных категорий, применяемых к природе. Предмет логики – действительность, или, если угодно, – природа. Логическая категория есть рациональное выражение природного явления или связи между явлениями, образующей закон. Рассмотрение в рамках логики логических ошибок, состоящих в усмотрении онтологической верности сверхприродного, нисколько не выходит за пределы природы, поскольку изучению подвергается природа ошибающегося мышления.

Обособление логики от природы здесь исключительно условное и, можно сказать, видимое: автор прекрасно сознает, что логика свойственна материи головного мозга, что логика, таким образом, является нервным, всецело материальным явлением; для автора логический шаг есть не что иное как некоторый нервный импульс в коре больших полушарий.

По прочтении этой работы может возникнуть вопрос, почему автор отказался от системы диалектического материализма (хотя и учел его достижения). Обязанность дать ответ этот прежде совершенно очевидна: во-первых, диалектический материализм изжил себя в идеологическом отношении, – это вынуждает отнести к нему как к затупившейся сабле, более не поддающейся заточке; во-вторых, диалектический материализм оставляет, – пускай и весьма скромное, – место духу, что не позволяет отнести к этой системе как к всецело материалистической, а именно последовательное изложение логики материалистического монизма выступает существенной интеллектуальной потребностью нашего времени.

Основная часть

Глава I

Логика, являющаяся систематическим изложением оснований материалистического знания

§1. Субстанция есть абсолютно материальная всеобщность, понятие которой дедуктивно, а следовательно, является отправным и конечным пунктом логики.

а) Субстанциальность утверждена в материальности.

α) Материальность есть само содержание существования субстанции; вне этого содержания нет и субстанции.

б) Субстанция есть природа.

α) Природа есть субстанциальная тотальность материи в самом существовании.

β) Тотальность тут не должна пониматься на гегелевский манер, то есть как устранение всякого соотношения. Тотальность есть отношение субстанции к своей внутренней причине.

γ) Проявление субстанции естественно, а, следовательно, природно.

δ) Всё, что природно, – существует, и всё, что существует, – природно.

ε) Субстанция действительна и действительность субстанциальна.

с) Всеобщность есть целокупность и тождественность всех различных проявлений субстанции, то есть материальных явлений.

α) Тождество и различие – единовременные логические категории, пребывающие в неразрывности. Ни тождество, ни различие невозможны в обособлении друг от друга.

д) Дедуктивность понятия субстанции положена в том, что всякое явление должно рассматриваться как нечто утвержденное через субстанцию: явление составляет субстанцию столько же, сколько субстанция – явление.

α) Из положения -д- очевидно, что индуктивность утверждается именно в дедуктивности: дедукция раскрывает себя посредством индукции; частное служит общему, но общее может полагаться только через частные моменты.

β) Познание субстанции положено через синтез дедукции и индукции: дедуктивное понятие субстанции эмпирически и индуктивно себя утверждает в проявлениях субстанции, которые, будучи познанными, восходят к субстанциальности.

γ) Следовательно, познание полноценное может быть только через субстанциональность. Неполюценным или ложным является то знание, которое не положено через субстанцию. Нам следует познавать явление через его различенность и тождество. Из данного дополнения вовсе не следует, что для познания единичного необходимо познать всеобщее, – следует, что познавать явление должно только через материальность, поскольку вне материальности нет и существования (растолковано более подробно в следующих параграфах).

δ) Совершенное познание субстанции невозможно. Понятие субстанции – абсолютная дедуктивность, требующая лишь частичного эмпирического подтверждения, являющегося полным для субстанционального проявления. Следует, дедукция, господствуя над индукцией, полным образом раскрывает индукцию, но лишь частично себя.

ε) Всеобщность обязана собой различенности единичных явлений, составляющих тождество в отношении своей субстанциональности, – и,

следовательно, познание явления возможно только через усмотрение его принадлежности к субстанции.

§2. Пространство есть главнейшее выражение имманентной причинности субстанции.

- a) Пространственность есть соотношение прочих проявлений субстанции к пространству.
- b) Пространство – это, по праву, явление.
- c) Пространство субстанциально, следовательно, материально.
- d) Пространство не есть отсутствие, не есть химерическая пустота.
- e) Пространство есть главное отношение субстанции к себе самой.
- f) Пространственность положена через различение и пространства, и прочих моментов (понятие момента растолковано в §10.)
 - α) Пространство есть особое сложение моментов.
 - g) Именно из пространственности следует целокупность моментов
 - α) Из положения -g- очевидно, что только в пространственности возможно развитие материи.

§3. Субстанция, саморазличаясь, приходит к тождеству, но достигнув тождества, вновь различается.

- a) Тождество есть только через различение. Различение – развитие тождества.

б) Если существование всякого явления обусловлено присовокупленностью к субстанции, то, следует, что всякое явление полагается через свою инаковость, поскольку все явления и тождественны, и различны. Значит, субстанция, как целокупность явлений, должна полагаться через нечто иное. То, что законно для проявлений субстанции, законно и для самой субстанции.

а) Из положения -б- следует, что субстанция не составляет некоей абстрактной обособленности от всеобщности своих проявлений.

β) Неполное познание субстанции (см. §1, положение -d-, дополнение δ) не отличается от полноценного познания проявления субстанции. Отсюда вытекает тождество субстанции и ее проявления, но это тождество есть потому, что между субстанцией и ее проявлением полагается различие.

с) Субстанция содержит имманентное инобытие. Она различает сама себя, тем самым реализуясь в явлениях. Субстанция существует через различение.

а) Существование субстанции состоит в собственном развитии: движение от прежнего состояния к новому состоянию через различение, переходящее в тождество.

§4. Субстанция различает сама себя, ровно как и каждое явление различает себя в соотношении с иными явлениями.

а) Субстанция различается в своих материальных явлениях.

а) Через различение одно состояние субстанции достигает нового состояния, с которым устанавливает тождество.

б) Явления состоят в различении с иными явлениями.

а) Через различение явление в одном состоянии переходит в новое состояние, с которым устанавливает тождество.

с) Посредством различия от других явлений, явление составляет свою единичность.

α) В единичности явление составляет тождество с иными явлениями.

β) Единичность есть частный момент всеобщности. Явление единично, поскольку достигает самостоятельности через соотношение с иными явлениями, являющееся отрицанием самостоятельности, – очевидно единство тождества и различия.

д) Развитие явления осуществляется в соотношении с иными явлениями.

е) Всякое явление имеет состояние и не может существовать без него.

§5. Субстанция развивается в различении.

а) Различие одного рода – субстанциальное.

б) Различие второго рода полагается между субстанциальными явлениями.

α) Таким образом, субстанция, различая саму себя, производит явления, и они, относясь к субстанции, в своей единичности различаются между собой.

с) Субстанция путем явлений вступает в соотношение с собой. Следствие соотношения субстанции с собой – тождественность разных состояний субстанции, достигнутая через различение.

д) Налицо тождество, положенное в отношении между прежним состоянием субстанции и следующим.

α) Самостоятельность явления есть только через его отношение к субстанции (см. §3, положение -с-, дополнение β)

β) Единичность всеобщности есть только в отношении себя самой.

§6. Тожество есть через различие.

a) Единство тождественных состояний субстанции или явления – различие.

b) Прежняя форма субстанции различается, переходит в новую форму, составляет тождество с новой формой.

α) Явление, находясь в различии с другими явлениями в прежнем состоянии, соотносится с ними, переходит в новое состояние, полагает с ним тождество.

§7. Развитие явствует из единства тождества и различения.

a) Развитие явления есть процесс отождествления разных состояний субстанциональных явлений, – состояний, достигаемых через различие.

b) Развитие субстанции есть процесс отождествления разных состояний всеобщности, получающихся через различие.

§8. Есть разновидности различения и разновидности тождества, взаимно и непрерывно переходящие.

a) Тожество одного состояния субстанции и другого состояния субстанции, достигающееся через развитие субстанциональных проявлений.

b) Различие проявлений субстанции между собой выступает движением субстанции в самой себе.

c) Тожество субстанциональных явлений, полагающееся достижением субстанцией своего нового состояния.

d) Различие между одним состоянием субстанции и иным состоянием субстанции.

e) Двойственность тождества и различия не должна пугать читателя: она обозначена еще в §1, а именно в дополнении α , прилагающемся к положению -с-. Тождественное различно, а различное тождественно.

f) Через единство тождества и различия положено само существование субстанции.

§9. Причинность есть (α) отношение явления к иному явлению с последующим развитием обоих; (β) отношение субстанции к себе самой.

a) Всякая причина проявлена в сообщении движения.

b) Явление, различающееся в пространстве посредством соотношения с другими явлениями, – тело.

c) Тело причинно в отношении другого тела, поскольку сообщает ему движение.

d) Движение, имеющее причину, – первичное следствие.

e) Вторичное следствие проявлено в том, что тело, сообщившее движение, потеряло в собственном движении именно столько, сколько сообщило.

f) Явление различает себя в сообщении движения и достигает тождества с собой во вторичном следствии.

α) Первое состояние тела (явления) – сообщение движения.

β) Второе состояние тела (явления) – потеря движения, равная сообщению движения.

г) Единство причины и следствия – необходимость.

α) Всякое движение необходимо. Следовательно, развитие, состоящее в единстве тождества и различия, необходимо.

β) Необходимость развития означает его неизбежность: субстанция, как и явление, неизбежно нуждается в достижении своих новых состояний.

h) Из факта необходимости достижения новых состояний следует, что само существование явления или субстанции состоит в единстве тождества и различия, означающего движение, из которого явствует развитие.

α) Всё, что существует, необходимо. Несуществование есть отсутствие необходимости.

β) Немаловажно прояснить, что существование, речь о котором здесь идет, имеет гносеологический характер, то есть полагается как логическая категория. Существование, стало быть, есть *в мышлении* познающего человека как категориально являющееся познанием некоего явления: явление должно представать в мышлении через понимание его необходимости, – познание явления, его существования, есть, следовательно, сознание его развития, происходящего через соотношение с иными явлениями.

i) Всякий момент развития необходим, поскольку ему предшествует бесконечная цепь причин и следствий.

α) Всякое существование причинно.

β) Всё, что не причинно, не существует.

i) Существование неизбежно предполагает развитие. Вне развития нет существования.

α) Без тождества и развития нет и существования.

§10. Генезис состояния есть усложнение явления в различении себя и прехождении к тождеству.

- a) Различение есть проявляющееся отличие от прошлого состояния.
- b) Тождество есть преемственность нового состояния в отношении прошлого состояния.
- c) Через различение достигается само новшество.
- d) Через тождество новое состояния соотнобразуются с прежним.
- e) Единство тождества и различения – усложнение прошлого состояния, выражающее явственность нового состояния.
- f) Тезис и положения параграфа вполне применимы и к субстанции, и к ее проявлениям.

§11. Материя, составляющая субстанцию, образована множеством моментов.

- a) Момент есть гносеологическая мельчайшая составляющая материи, онтологически проявленная в элементарных частицах, атомах и молекулах.
- α) Моменты всецело материальны.
- β) Момент полагается в материи редуccionно.
- b) Моменты, различая себя, образуются в совокупности, из которых состоят явления.
- α) Следовательно, различение субстанции главным образом состоит в различении частиц.

β) По праву, момент материи (всеобщности) можно назвать явлением.

с) Из предыдущих положений явствует, что всякое явление, доступное нашему непосредственному взору, сложено из множества более малых явлений.

д) Опираясь на положение -с-, необходимо отметить, что момент выступает телом отлично от того, как телом выступает явление, сложенное из моментов. Движение моментов отлично от движения явлений, состоящих из моментов.

α) Следовательно, характер тождества и различения моментов предшествует характеру тождества и различения тел.

β) Несомненно, что тождество и различение тел различно в отношении тождества и различения моментов. Но между ними, как разными состояниями одного и того же, положено тождество.

γ) Соотношение явлений, состоящих из моментов, есть именно соотношение целокупностей моментов.

§12. Если субстанция причинна по отношению к самой себе, то моменты, во всеобщности слагающие субстанцию, не имеют в качестве источника движения ничего кроме себя самих же.

а) Движение моментов субстанционально.

б) Развитие субстанции полагается через всеобщее развитие моментов (явствует из положения -б- предыдущего параграфа, а именно дополнения α)

с) Источник движения моментов – их субстанциональность.

d) Развитие явления невозможно в обособлении. Развитие положено только через всеобщность.

§13. Редукция есть (α) логическое рассмотрение явления посредством более малых явлений, в тождестве друг с другом составляющих собственно явление; (β) рассмотрение данного состояния явления через предыдущие состояния, содержащиеся в данном состоянии в снятом виде; (γ) рассмотрение явления посредством общности его предиката с иными явлениями.

a) В случае α своим мышлением я редуцирую явление, когда рассматриваю его как сложение и единство явлений более малых, отрицающих свою самостоятельность через соотношение. В данном случае редукция явления, видимого непосредственно, возможна вплоть до моментов. Очевидно единство анализа и синтеза: я анализирую явление до его составляющих и затем произвожу синтез составляющих явление.

b) В случае β я редуцирую явление так, что объясняю его данное состояние через преемственность этого же состояния к предыдущим состояниям.

c) В случае γ я рассматриваю явление так, что выявляю его качество (предикат), свойственное не только ему, но и иным явлениям.

d) Все три дефиниции редукционного метода вполне применимы к одному явлению, то есть нет явлений, рассматривающихся лишь одним или двумя дефинициями метода.

§14. Детерминизм есть причинность моментов, логически взятых через всеобщность; однако детерминизм моментов логически вполне возможен даже если мы рассматриваем целокупности моментов.

a) Всякое явление детерминировано, поскольку субстанционально.

b) Детерминизм логически возможен только во всеобщности.

α) Следует, из причинности явления логически неизбежна субстанциональность явления.

β) Из субстанциональности явления неизбежно следует существование субстанции.

γ) Существование одного явления – уже доказательство достоверности субстанции, но не доказательство существования другого явления, предположительно составляющего субстанцию. Иными словами: только из очевидной всеобщности материи нельзя точно вывести достоверность того или иного явления, – необходимо рационально усмотреть детерминированность некоторого известного явления, предположить существование иного явления, детерминирующего известное явление, – и затем получить полное эмпирическое подтверждение иного явления, чтобы удостовериться в его существовании.

с) Детерминизм субстанциален (следует из положения -с- §2).

d) Субстанция детерминирована одним фактом своего существования. Субстанция же существует, поскольку детерминирована имманентно.

§15. Детерминизм, рассматриваемый субстанционально и в отношении будущих состояний, в которых положены предыдущие состояния, – фатализм.

a) Если из всякой причины неизбежно вытекает следствие, то во всяком состоянии абстрактно (гносеологически) положены последующие состояния.

α) Всякое различие уже содержит тождество, а всякое тождество – различие.

b) Постольку, поскольку субстанция содержит имманентную причинность (§2, положение -с-), все последующие состояния абстрактно положены в отношении предшествующих им.

α) Из самого существования субстанции следует положение о ее несотворимости и неуничтожимости, стало быть, вечности. Если существование положено только через причинность, то цепь причин и следствий *бесконечна*. Всякий, кто утверждает, что материя была некогда сотворена, сам того не понимает, что вместе с тем и говорит о невозможности самого существования, а отрицая существование, он пытается опровергнуть и существование свое, что абсурдно.

§16. Рассматривать детерминированность явления возможно только посредством редукции.

a) С редукцией явления для меня становится возможным понять, какие именно составляющие данного явления играют решающую роль в соотношении этого явления с иными явлениями.

α) Дедукция тут выступает отправной точкой, поскольку я подвергаю анализу целостное явление.

b) Редуцировав явление и поняв, как оно соотносится с другими явлениями, я индуцирую составляющие явления через синтез.

α) Индукция тут уместна, поскольку составляющие явления, подвергшиеся анализу, требуют синтеза. После дедукции я вновь объединяю то, что составляет явление, вновь объединяю части.

с) Детерминизм явления, очевидно, положен в детерминизме того, что составляет явление.

§17. Субстанция есть тотальный механизм материи, существующий только в соотношении с собой.

a) Механизм субстанции есть фаталистическая всеобщность моментов.

b) Механизм явления есть (α) единичное проявление механизма субстанции (явствует из положения -а-, §3); (β) фатализм всеобщности моментов, составляющих явления.

c) Механизм вообще есть известная развитость тождества и различения.

α) Следовательно, механизм есть и известная развитость необходимости как единства причины и следствия.

d) Субстанция всецело механична.

f) Понятие механизма выражает сосуществование всех моментов субстанции.

g) Материя механична, поскольку ее развитие подвержено законам.

α) Всякий закон субстанциален, поскольку явствует из механичности субстанции.

§18. Закон есть содержание механизма явления.

a) Механизм явления проявляется лишь тогда, когда данное явление соотносится с иными явлениями (следует из §8 положений и дополнений в нём)

b) Субстанция имеет законы постольку, поскольку они полагаются между явлениями, составляющими субстанцию.

c) Всякий закон вытекает из самой природы, стало быть, существования явления.

α) Познание закона неизбежно нуждается в эмпиризме.

d) Закон есть, следовательно, и определенное соотношение между моментами.

e) Посредством законов субстанция соотносится сама с собой.

α) Верно обозначить, что какой бы то ни было закон, таким образом, выражает имманентную причинность субстанции.

f) Закон в равной степени выражает и причинность, и единство тождества и различия (см. §16, положение -с-, дополнение α)

g) Познание закона положено через редукцию явлений, образующих во взаимодействии данный закон (явствует из §15, положений и дополнений, приведенных в нем).

§19. Познание явления возможно только через познание его механизма.

a) Единство тождества и различия развивается в соотношение.

b) Соотношение положено в единстве причины и следствия как необходимости.

c) Необходимость, состоящая в причинности, неизбежно обращается в детерминизм.

d) Детерминизм неизбежно составляет фатализм, полагающийся в механизме, содержание которого – закон.

e) Из приведенных положений явствует, что познание явления есть постижение законов, которым подвержено явление, – постижение восходящее.

f) Познание положено через субстанциальность (§1, положение -d- , дополнение γ).

§20. Факт субстанции есть всеобщность всех состояний субстанции, иными словами, абсолютно каждое проявление бесконечных состояний субстанции.

a) Субстанция вообще противоположна своему факту. Противоречие между субстанцией и фактом субстанции есть развитость противоречия между движением и субстратом движения, материей. Синтез этого противоречия – абсолютно бесконечное развитие, бесконечность дихотомии тождества и различения, бесконечная цепь причин и следствий.

b) Факт субстанции неизбежно следует из имманентной причинности материи.

c) Понятие субстанции не восходит к факту субстанции, но необходимо пребывает в нем.

§21. Субстанциальный факт есть всеобщность всех состояний явления, иными словами, абсолютно каждое состояние явления.

a) Для установления субстанциального факта в мышлении довольно познать закон, которому подвержено явление. Субстанциальный факт есть через восхождение.

b) Субстанциальный факт тем отличен от факта субстанции, что неизбежно снимается иным субстанциальным фактом, тогда как факт субстанции не может быть снят иным фактом субстанции, поскольку субстанция тотальна.

Глава II

Критическое осмысление логических ошибок, господствовавших и господствующих в умах философов и обывателей

«Что может быть сломано, – должно быть сломано. Стоит любить только то, что выдержит удар. Что разбивается вдребезги, то хлам. В любом случае бей направо и налево. Это не принесет и не может принести вреда»

Д.И. Писарев

Общие положения

1. Понятие, не имеющее онтологического статуса (логически ошибочное), не соответствует факту субстанции.
2. Соответствие или несоответствие факту субстанции задает либо функцию истинности, либо функцию ложности суждению или умозаключению.
3. Логическая ошибка есть несоответствие факту субстанции.
4. Понятия, суждения и умозаключения, функционально ложные, составляют логические ошибки.
5. Всё, что имеет функцию ложности, непременно имеет ложный онтологизм, ошибочно полагается в действительности или вне нее.
6. Всякая дефиниция любой дефиниции ничто – дефиниция и ничто тоже.
7. Какое-либо высказывание, включающее понятие, не соответствующее факту субстанции, выполняет функцию ложности.
8. Не соответствующее факту субстанции понятие выступает опосредствующим высказыванием.

9. Понятие, логически ошибочное, пребывает в категории.
10. Ложный онтологизм есть то же самое, что и отсутствие онтологического статуса.
11. Некоторые высказывания являются дефинициями иных, более общих высказываний.
12. Если понятие, не соответствующее факту субстанции, раскрыто верным образом в некотором высказывании, то такое высказывание вполне выполняет функцию истинности, – выполняет, как и суждения и умозаключения, образующие данное высказывание.
13. Суждения и умозаключения, которые выполняют функцию ложности, суть метафизические, как и высказывания, ими составленные.
14. Высказывание, ни являющееся метафизическим, ни выполняющее функцию истинности, следует признать потенциально выполняющим функцию неопределенности.
15. Высказывание, которое выполняет функцию неопределенности, признается выполняющим функцию истинности, когда сообразуется с высказываниями, выполняющими функцию истинности.
16. Если в метафизическом высказывании фигурирует понятие, соответствующее факту субстанции, – это высказывание всё равно выполняет функцию ложности.
17. Высказывание признается выполняющим функцию истинности, когда редуцируется до одного или нескольких логических положений, представленных в первой части этой работы.
18. Высказывание, выполняющее функцию истинности, является дефиницией положения, выражающего субстанциальную логику.

19. Редукция высказываний вполне возможна, так как суждения и умозаключения, конструирующие высказывание, содержат понятия, данные явлениям, поддающимся редукции.

Критическое изложение

§1. Ничто есть категория бессодержательной субстанции, ошибочно предпосылаемая субстанции действительной, содержательной. Ничто выступает противоположением субстанции, – это, можно сказать, субстанция без субстанции, якобы порождающая за счет своего бессодержательного содержания содержание вообще.

Согласно метафизикам, столь охотным до надреальных сущностей, ничто посредством этого пустого бытия, этой лишенной материальности субстанциальности, составляет свою чистую бытийность, очень нуждающуюся в ином противоположении – бытию содержательном. Пустая абстракция, ничто, по мнению философов, вечно желающих нащупать что-то стоящее перед материей, верховодит над реальностью, диктует ей свою идеальность. Эти философы объявляют причину изменений материи вне материи, совершенно не понимая, что эта причина, неизбежно представленная движением, содержится в самой материи; они не понимают и не хотят понимать, что причина материи не может полагаться вне материи; они всерьез пытаются представить движение без субстрата движения – в их мышлении движение стоит перед тем, что движется, и низводится до голой абстракции ничто; но только в категории ничто движение, лишенное движимого, полагаться и может, ведь движение без своего субстрата не полагается: немыслимость нарекается мыслимым ничто, замыкается в своей химерности.

Ничто как категория – продукт бедного мышления, – мышления, очень желающего найти ответы, но не могущего их усмотреть в действительности. И это непонимание бедное мышление называет пониманием; это понимание, совершенно ложное, преобразуется в категорию ничто, устанавливающуюся

бедным мышлением над субстанцией, над действительностью. Бедное мышление не сознает действительности, наблюдая множество материальных взаимодействий, – и непонимание, имеющее всегда один и тот же вкус, кажется особой тайной мироздания, кажется особой надреальной сущностью, которой стоит только дать понятие – и тут же демиурги окажут услугу, дав мышлению понять загадку. Мышление, не пестрящее богатством понимания, выдумало очень труднодостижимой реальности противоположность – и играет с этой противоположностью, извечно делая попытки объяснить действительность недействительным. Оно онтологизировало логическую ошибку, пребывающую лишь в ней самой.

§2. Ничто тем доказывает свою химеричность, что возвращается вновь к себе. Дело состоит в том, что из бытия чистого, – бытия бессодержательного, бытия ничто, если угодно, – никоим образом не следует бытия действительного: бытие чистое, чтобы произвести некоторое следствие в виде реального содержания, должно удовлетворять условиям того, что производит следствие, должно, иначе говоря, удовлетворять условиям причины.

Причина, неизбежно являющая движение, может быть только в том, что движется, стало быть, в материи. Однако ничто, как нематериальность, нисколько не обладает движением, следовательно, причинностью. С очевидностью, можно заключить: ничто в своей чистой бытийности, бессодержательности, возвращается к себе. Химерическое чистое отсутствие, из которого ничего не следует и которое пребывает лишь в мышлении, имея эмпирическим источником непонимание реальных взаимодействий. Категория ничто, как легко понять, имеет функцию ложности.

Но умы особого порядка пошли еще дальше: их ход мыслей таков, что бессодержательное содержание, якобы приходящееся причиной содержанию как таковому, приобретает дефиниции, не замыкаясь в себе, а господствуя над материей. Каждая дефиниция ничто имеет самостоятельность и требует порядочного рассмотрения.

§3. Дух есть дефиниция ничто, представленная противоположностью в отношении содержательной, действительной субстанции. Дух есть ничто, проявленное в материи. Дух потому и объявляется разномастными метафизиками и богословами руководящим материей, что в своей химерической, бессодержательной содержательности якобы диктует содержание. Дух в их мышлении – раскрывающаяся тайна содержания.

Гегель, со всей идеалистической напыщенностью пытавшийся доказать ложность положения "ex nihilo nihil fit", сам не понял, что ему, сам того не желая, и следует¹. Он вывел все последующие категории из этого ничто, не сознавая, что, как выведенные из ничто, они попросту невозможны. Он не понял, что реальность и идеальность, с упоением нарисованные этой дефиницией ничто, невозможны, ведь ничто неизбежно обращается к себе. Поэтому подлинная диалектика, – диалектика материальной субстанции, – должна начинаться не с химеры, а с действительности. Только рассмотрение механизма материи дает подлинную диалектику.

Достаточно серьезное оскорбление нанесли своему главному кумиру, Иегове, русские религиозные философы и славянофилы, к слову, баловшиеся гегельянством. Ни Хомяков, ни Киреевский, ни Данилевский, ни Достоевский, ни братья Трубецкие, ни поп Булгаков, ни Флоренский, ни Соловьев, ни Ильин, ни Бердяев, – никто из них не отозвался о своем божестве сколько-то положительно, – все они, не отдавая себе о том отчет, оскорбили свою абстракцию страшнейшим образом. В их мышлении дефиниция ничто, – дух, – приобрела некоторый онтологический статус. Если она, допустим, по праву имеет онтологический статус, то само существование упомянутых философов попросту невозможно, ведь дефиниции ничто, как и само ничто, как уже доказано, не удовлетворяют условиям существования. Если эта онтология, отрицающая сама себя, есть, то и существование этих философов невозможно. А если и невозможно их

¹ Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с немецкого языка Бориса Столпнера; предисл. Марка Розенталя; примеч. Владимира Брушлинского. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 86 с. – (Всемирное наследие)

существование, то Иегова, пребывающий лишь в их мышлении, невозможен и также. Как язвительна наша религиозная мысль.

Дух как некоторое ничто, творящее свою противоположность и соотносящееся с ней, делает эту противоположность невозможной, следовательно, делает невозможным и себя. Дух, якобы утвержденный в материальной субстанции, делает эту субстанцию невозможной и, значит, не соответствует факту субстанции.

§4. Мыслители, обожаящие держать свой ум в тумане метафизики и религии, поголовно убеждены, в том, что материя – лишь милая служанка духа. За тем, что дух пребывает лишь в их мышлении, принадлежащим им, субъектам, – он приобретает в своем химерическом господстве над материей некоторую персонификацию. Субъективное кажется им отчужденным, внеположенным, они помещают его на небеса, обустроивают ему эдемский сад, вручают ему палочку дирижера, а материю, объект, низводят до покорного скрипача.

Ничто обзаводится реальным содержанием, дух утверждается в материи, повелевает над ней – и нарекается богом.

Иронично то обстоятельство, что господство бога над материей ниспровергает самого бога. Бог полагается прежде материи, но в то же время мыслится в господствующем соотношении с ней. Если бог может быть только в формате повелевания над материей, то прежде материи бога быть не может, – а в таком случае легко заключить, что материя несотворима – она вечна и не имеет никаких божественных, духовных оснований. Понятие бога не соответствует факту субстанции. Логическое противоречие разрешается легчайшим образом, но в силу особой умственной организации ни одним верующим, ни одним метафизиком и богословом не принимается во внимание. Всякая попытка установить некоторую особую духовную субстанцию над субстанцией материальной приводит к противоречию, синтез которого устраняет духовную

субстанцию: мировоззрение верующего на том и покоится, что игнорирует это противоречие.

Этой логической ошибке воспевают дифирамбы, ее превозносят, ее украшают позолотой, ей пририсовывают нимбы, ей посвящают внушительные сооружения, она – причина для избавления себя от благ цивилизации и жизненных удовольствий, из служения ей наряжаются в особые одежды, она – повод для художественных изыществ, ее называют истиной и обращают в предмет изучения на отдельных кафедрах.

Персонификация принимает разные формы: она обнаруживает себя в Ра, Осирисе, Палден Лхамо, Зевсе, Пивчунине, Христе, Аллахе, Посейдоне, Перуне, Одине, Мулунгу и других – она обзаводится разнообразной атрибутикой и символикой. Ей создают культы, ради нее жертвуют жизнью и преследуют и убивают "неверных". Словом, человечество себе внушило сакральность логической ошибки, и испытывая к ней особое почтение, тщательно ее оберегает и лелеет.

§5. Бог, несомненно, есть отчужденный человеческий образ: в установленном над субстанцией ничто закладываются субъективные качества и свойства, – это ни в малейшей степени не удивляет, поскольку ничто как категория не находит действительного места, а замыкается, что уже доказано, в бедном мышлении.

Когда те или иные качества и свойства, приписанные богу, полагаются без него, когда то, что свойственно субъекту, но приписано богу, выступает как бы на первый план, затмевая бога, – тогда приобретает следующая дефиниция. Эта дефиниция тем примечательна, что бедное мышление само себя в своем обладании бессодержательностью полагает вне материи, но в этом тождестве отчужденного мышления и подлинного мышления выступает различенность – и бедное подлинное мышление, внушившее себе отчужденное мышление, отличает себя от отчужденного мышления. Так мышление утверждает и мировую волю, и вселенский разум, и особый, руководящий реальностью рассудок. Рассудок и воля были в боге как скрытые, однако в этой дефиниции выступили в авангард.

Данная дефиниция, как правило, сопровождается восхищением организованностью материи; человек восхищается тем, как материя принимает разнообразнейшие формы, поражается тому, как субстанция сама себя проявляет – и думает, что субстанция – лишь глина в руках ремесленника, думает, что с какой-то стати из стремления материи к самоорганизации следует положение о высшем рассудке или, если угодно, разуме, диктующем организацию.

Но стоит приверженцу идеи о высшем рассудке уяснить, что всё, свойственное субъекту, есть следствие развития материи, как и сам субъект; стоит ему понять, что формы, принимаемые материей, не могут быть прежде материи, иначе говоря, только он поймет, что проявление субстанции никоим образом не надсубстанциальная сущность – и нашему достопочтенному метафизику станет ясна нелепость собственных воззрений. Столкнувшись с противоречием, он, при наличии хотя бы пары крупиц интеллектуальной смелости, неизбежно откажется от прежнего мировоззрения; но в случае неспособности отказаться от ветхого хлама в своем мышлении, он продолжит этот хлам складировать, боясь уясненного противоречия.

Идея о высшем рассудке – визитная карточка интеллигентов-агностиков, под давлением кое-каких знаний о мире сбросивших оковы религии, но из отсутствия умственной смелости не могущих решительно отказаться от метафизики. Попробуйте найти представителя beau monde, из светскости дистанцировавшегося от религии, но из этой же дистанцированности не продолжающего относиться к ней с почтением.

§6. Дух по определению внеположен, полагается, как первая дефиниция ничто вне подлинного субъекта. Только еще одна дефиниция обращает дух внеположенный в дух внутренний. Это, по сути, видимость возвращения к субъекту: бедное мышление внушает себе внутренний дух как то, что имеет источником дух надсубстанциальный.

Бедное мышление, обнаружив надреальное, превращает его в способ объяснения действительности, и, привыкнув свою субъективную химеру полагать господствующей, находит её внутри себя. Все свои отправления, на деле материальные, мышление за счет чувственного самообмана мыслит неуловимыми, суть духовными. Материя нервной системы, ответственная за умственные отправления, себя обозвала душой, себя, по своей чувственности, убеждает в особой духовной исключительности. Так бедное мышление приходит к идее души. Бесспорно, это составляет некоторую иронию.

Армия литераторов, культуроведов, психологов и теологов, столь трепетно исследующая «внутренний мир» человека и так устремленная уловить «активности души», постольку, поскольку имеет мышление всецело скроенное из ошибок и мифов, не в состоянии прийти к той мысли, что по меньшей мере унижает человека, приписывая его природе логическую химеру. В самом деле, душа за своей нематериальностью совершенно не выполняет условий существования. Дух внутренний неизбежно предполагает дух и внеположенный. Дух же внеположенный неизбежно сам себя отрицает как дефиниция ничто. Сказать, что душа имеет какое-то другое происхождение, тоже неверно, ведь логически очевидно, что нематериальное не может появиться вследствие развития материи: спросите любого апологета души, старающегося держаться подальше от идей о сверхъестественном начале, каким образом душа может появиться вследствие развития организмов – и никаких внятных ответов не услышите. Душа необходимо есть усложненное ничто, обвешанное человеческими атрибутами.

Весьма интересный случай – диалектические материалисты. Как известно, диалект признает интеллект и чувство нематериальным проявлением материального. Это положение вызвано марксо-энгельсовской неприязнью к материализму французских просветителей, видите ли, по неразумению упростивших «специфику сознания», признав его материей, всего-то сложенной особым образом. Да и для марксистов «дух» в высокой степени удобен: жонглировать понятиями «классового» и «общественного» сознания гораздо удобнее, не разбирая нервные явления. Однако в рамках

марксистской философии, радикально атеистической, противоречие, вызванное понятием духа и выше проясненное, разрешается достаточно просто: располагая кое-какими данными нейрофизиологии, детерминизм мышления в обществе объяснить можно с величайшим успехом. Так что марксистам простительно.

§7. Свобода воли, с величайшим трепетом оберегаемая почитателями Кьеркегора, Ясперса, Камю, Хайдеггера, Сартра и прочими гуманитариями, представляет собой самое грандиозное недоразумение, какое только мог и может себе внушить человек о собственной природе.

Свобода воли, которую человек себе приписал, – развитое следствие отношения человека и окружающей его среды, поскольку ничто есть вообще следствие этого отношения. В этом отношении очевиден детерминизм. Стало быть, свобода воли – детерминизм, создавший видимость отсутствия себя самого и низведенный до пустой абстракции. Так обозначился атрибут, присущий внутреннему духу, или, если желаете, душе, – *arbitrium liberum*.

С внутренним духом покончено: нами он отправлен обратно в ничто, мы доказали его невозможность, его химерность. Последовательному и вдумчивому читателю уже интуитивно ясно, что и свобода воли, как известная дефиниция прошлых дефиниций и, конечно, дефиниция ничто, не соответствует факту субстанции за невыполнением условий существования. Понятие «свобода воли» исключает детерминизм (детерминировано либо всё, либо ничего), а следовательно, – необходимость, а значит, – причинность, а также значит, – существование. А если так, то в случае истинности данного понятия, убежденный в свободе воли должен просто перестать существовать. Само его убеждение абсурдно: оно отрицает существование своего обладателя.

Да и всякий апологет свободы воли скажет вам, что она может проявляться лишь тогда, когда обращается вовне; свобода воли субъекта есть посредством обращения на обстоятельства, то есть она полагается через иное. Если же свобода воли, чтобы иметь бытийность, нуждается в

инополагании, то она делает саму себя невозможной, поскольку детерминируется.

Весьма горькие противоречия, из которых неизбежно явствует то, что свобода воли не соответствует факту субстанции.

§8. Дуализм есть обособленность друг от друга телесной материи и внутреннего духа, утвердившегося в господстве над данной материей, обретшего таким образом самостоятельность, но в этой самостоятельности вступившего в антагонизм с материей тела.

Декарт, применивший свой превосходный метод, заключил, что телесная *res extensa* обособлена от *res cogitans*. Логика Декарта, страдавшая недостатком эмпирических данных, побудила его признать душу и материю, составляющую и человеческие тела тоже, двумя совершенно разными субстанциями². Но даже весьма немногие наблюдения убедили Декарта в некотором влиянии так называемых душевных отправлений на тело. Это привело к известной психофизической проблеме, правдиво сказать, высосанной из пальца: сама реальность, которую наблюдал Декарт, столкнулась с закрепленным дуалистическим положением. Весьма безуспешной оказалась попытка храбреца Спинозы разрешить данное противоречие: он признал протяженную материю и человеческий дух атрибутами одной субстанции, одного бога-природы³. Спиноза всего-то перевел это противоречие в иную форму; он антагонистические силы подчинил силе более высокой, однако оттого они антагонистическими быть не перестали. Конечно, были приложены умственные усилия Мальбранша и прочих, но в рамках картезианства противоречие внутреннего духа и тела осталось неразрешенным за неспособностью рихтовать рациональные данные под эмпирические и за самой логической ошибочностью понятия души.

² Рассуждения о методе ; Начала философии ; Страсти души : [перевод с французского] / Рене Декарт. – Москва : Эксмо, 2019. - 171-172 с. – (Библиотека избранных сочинений).

³ Этика / Бенедикт Спиноза ; пер. с лат. Н.А. Иванцова. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 82-83 с. – (Азбука-классика. Non-Fiction).

Видное место дуализм имеет и в христианской религии. Он несказанно удобен для менеджеров Всевышнего, известных своей страстью к специфическим одеждам и любящих пощекотать нервы публике разнообразными ритуалами, подразумевающими применение особой разновидности воды и чтение переведенных древних текстов. Дуализм обеспечивает церкви полноценное коммерческое функционирование: душа, – скажет вам любой священнослужитель, – требует спасения, да и более того – она заперта в вашем брэнном теле, мы же, как представители Духа Высшего, за некоторое приношение с успехом вам поможем в спасении. Дуализм в этом случае обеспечивает финансовую составляющую культуру логической ошибки. Однако не смейте упрекнуть автора этих строк в недовольстве церковью, ведь спрос рождает предложение: не имею никакого права протестовать против масс, требующих духовного спасения, и против церкви, удовлетворяющей спрос.

Всё же оставим в стороне лирику. Теперь о содержании дуализма.

При нынешнем положении дел утверждать дуализм возможно только при полной игнорации всех достижений естествознания.

Ругать теологов несколько не берусь, поскольку они, находясь на высочайшей части умственного пьедестала, с его вершин не могут разглядеть низины эмпирических обобщений. Автор же сей дерзости, как червь материалистического учения, продолжит довольствоваться почвой трезвого осмысления. Эта важнейшая оговорка необходима, потому что я уверен, что свету религии безразлична тьма моих выкладок.

Итак. Эмоциональные, чувственные, интеллектуальные, словом, все те отправления, которые признаются активностью души, неизбежно обнаруживаются в телесном механическом движении, что экспериментально установлено физиологом И.М. Сеченовым⁴. Дуализм имел бы вернейшее место, если бы люди не выражали своих настроений вербально – движением лицевых мускулов и посредством артикуляционного аппарата; если бы не

⁴ Академик Павлов. Избранные сочинения / Павлов И.П., Мясников А.Л. – Москва : Издательство «Э», 2015. – 597 с. – (Доктор Мясников представляет: Антология медицинской мысли).

излагали своих мыслей на бумаге при содействии всех скелетных мышц, составляющих плечо, предплечье и кисти; если бы не принимали соответствующее телесное положение, испугавшись чего-либо; если бы наш испуг не понуждал сердце стремительнее перекачивать кровь; если бы не учащалось наше дыхание при обстоятельствах, угрожающих нашей жизни. Нет никакого сомнения, должны движения осуществляются по той причине, что все без исключения мышцы иннервированы, проявляют активность и расслабляются потому, что руководимы нервной системой. Если, стало быть, душа отброшена за логической недостоверностью и экспериментальным доказательством нервизма, и если все отправления, ей приписываемые, мы обнаруживаем нервными, то со смелостью можно утверждать, что дуализм на самом деле полагает нервную систему оторванной от прочего организма; дуалисты, таким образом, помышляют, что иннервация тканей и органов – некая нелепость, не имеющая реального места. Судя по всему, ткани и органы теологов, этих особых организмов, функционируют благодаря высшей силе, в нервах ни в малейшей степени не нуждаясь.

Постулировать очередное несоответствие факту субстанции уже несколько комично, но нужно.

§9. Деизм есть причинность материальной субстанции, полагаемая немманентной, вне данной субстанции, обращенная в дефиницию ничто – бога, – нарекаемая причиной материи и предполагающая самостоятельность дальнейших причин и следствий, обуславливающих развитие материи.

Вольтер, который любезнейшими эскападами атаковал атеизм, – превосходный образчик того, как возможно растянуть веревки невежества, опутывающие ум, но не освободиться от них. Вольтер, при всем вольнодумстве и желчном критицизме не избавившийся от дефиниции ничто, не дошел до той простой идеи, что причины материального развития следует искать не вне материи, а в ней самой: это удалось в дальнейшем

Ламетри⁵. Безусловно, учтем то обстоятельство, что он избавил материю от надобности в постоянно присутствующем духовном хозяине, – он уподобил ее механизму, не работающему по одному своему существованию, но однажды заведенному изощренным мастером, после выполненной задачи оставшемуся созерцать движение шестеренок и слушать звук сдавливающихся пружин. Вольтеру тем самым удалось дать пощечину религии, однако он не уничтожил оснований религиозной логики. Он избавил себя от культа, удалился от традиций, но оставил на вооружении собственного мышления положение о сверхъестественном начале. Он порвал с формой, несущественно задев содержание.

Картезианцы продемонстрировали ту же самую логическую ошибку, помыслив движение в разрыве от материи. Они, как и Вольтер в дальнейшем, усвоили материю чистой пассивностью, в которую почтенный бог вдохнул движение. Как уже растолковано в первом параграфе, это движение, передающееся материи иной субстанцией, и является ничто, поскольку движение без материи – невозможность. В этом ничто движение без материи приобретает дефиницию, становясь богом особого порядка, – богом, весьма снисходительным и дарующим материи самостоятельность. Такова логика деизма, совершенно не выдерживающая положения о единстве материи и движения и не удовлетворяющая условиям существования – и потому не соответствующая фактом субстанции.

§10. Панлогизм есть во всех отношениях рационализированный высший рассудок, богатством своих логических категорий пронизывающий материю и вынуждающий материальную субстанцию всецело выстилаться по этим категориям.

Наилучшим образом панлогизм был развит Гегелем, давшим дельную теорию познания путем подчинения эмпирического рациональному. Этот идеалист всякую конкретику сделал расплавленным металлом, заливающимся в готовые логические формы, данные высшим духом, по

⁵ Ламетри Ж.О. Сочинения / Общ. ред., предисл. и примеч. В.М. Богуславского. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1983. – 63-66 с., 1 л. портр. – (Филос. Наследие.) - В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии.

сути, отчужденным субъектом. Избитое выражение Энгельса о «перевернутости» гегелевой системы весьма точно характеризует панлогизм как таковой. Действительно, если субъект вновь занимает свое законное место, обращаясь из выдуманного абсолютного духа в познающего мир человека, то уже рациональное подчинено эмпирическому: мы ошибочный онтологизм обращаем в вернейшую гносеологию (поэтому, к слову, панлогизм – логическая ошибка особенная, требующая крайне аккуратного отношения; стоит внести в панлогизм некоторые правки – и получаем действенный инструмент познания).

Эмпирическое восходит к рациональному; расплавленный металл знаний затвердевает, обретая понятнейшую, четкую форму абстракции. Как правильно отметил Герцен: «<...> спекуляция больше ничего, как высшая развитая эмпирия»⁶.

Однако если панлогизм мы оставляем без изменений, не корректируем его на материалистический манер, не забираем обратно сворованные господом богом логические категории, то вынуждаем всю действительность «выстилаться» по этой логике и делаем смехотворнейшие выводы, какие имеют место во втором томе «Энциклопедии философских наук». На примере гегелевского осмысления природы мы поняли, что панлогизм неизбежно заставляет мышление рихтовать эмпирические данные под рациональные выкладки.

Так, электричество предстало в мышлении Гегеля исключительно абстракцией, нисколько не материальной⁷. Гегель отсюда заключил, что гальванизм, господствующий в мышечной активности, выступает свидетельством того, что всякое животное движение есть вернейшее доказательство ведомости животного абсолютным духом⁸. По Гегелю, следовательно, и химические явления, которые, по праву, продиктованы межатомным соотношением электронов, уверенно подтверждают мудрость

⁶ А.И. Герцен. Сочинения в двух томах. Т. 1. Издательство «Мысль», 1984, 225 с.

⁷ Г.В.Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. Отв. ред. Е.П. Ситковский. Ред. коллегия: Б.М. Кедров и др. М., «Мысль», 1975. 295-297 с.

⁸ Там же, 326-327 с., 334 с. 461-463 с., 467-468 с.

высшего духа⁹. Магнетизм, таким образом, превращается из природного явления в жонглирование полярными абстракциями¹⁰. Таких примеров во втором томе превеликое количество.

Скажите, наконец, химикам, биологам и геологам что они исследуют не природу, а химерическую абстракцию. Они, уверяю вас, будут несколько ошеломлены этим обстоятельством.

§11. Пантеизм есть дефиниция ничто, в которой ничто абсолютно отрицается, но в этом отрицании всецело обретает содержание, оставаясь ничто; пантеизм, иными словами, есть полное отрицание ничто, в котором ничто выступает абсолютным содержанием.

Спиноза, надо отметить, заполнил бессодержательность ничто подлинным содержанием, обозвав это содержание, материю, бессодержательностью, или – богом. Пантеизм, без сомнения скажем, – это перевернутый материалистический монизм. Утверждать, что «природа – это бог», – будто говорить об отсутствии всякого божества. По-другому, полагать, что материя нематериальна, – это как бы доносить ту мысль, что нематериальное материально. Из противоречивого суждения о материальности нематериального прямо следует материалистический монизм.

Спиноза самостоятельно, сам того не ведая, заложил взрывчатку материализма в свою систему. Тот, кто внимательно изучил его теорию, необратимо способствует детонированию этой взрывчатки: довольно одного логического шага, чтобы от обожествления всей природы прийти к радикальному атеизму.

Пантеизм столь же не соответствует факту субстанции, сколь и в своей развитости способствует уяснению подлинного субстанциализма.

⁹ Там же, 311-314 с.

¹⁰ Там же, 181 с.

§12. Телеология есть проявление панлогизма. Согласно телеологии, не подлинный субъект на основании знания природных законов уясняет будущее состояние некоторого явления, а отчужденный субъект, высший рассудок, уже предписал явлению состояние, долженствующее наступить. Телеология вообще представляет собой логическую ошибку, прямо явствующую из положения о высшем рассудке.

Телеология, очевидно, достоверна только в том случае, если дух превалирует над материей; дух сам себя разбирает подобно матрешке. И любой, выделивший в хлеву собственного мышления место телеологии, с уверенностью скажет вам, что у господа бога давно имеется план по обустройству мира. То есть телеология необратимо подразумевает предопределенность духа: бог может действовать согласно только такому плану. Если же так, то телеология, возможная только при одухотворенности материи, сама отрицает бога, ведь он, чтобы иметь онтологический статус, должен быть без каких-либо ограничений и предограничений вообще. Телеология, отрицая таким образом бога, отрицает и саму себя.

Только что вскрытое противоречие есть прямое следствие попытки сделать фатализм надсубстанциальным. Надсубстанциальность фатализма, – телеология, – как уже ясно, делая саму себя невозможной, неизбежно обращается в ничто вновь, и тем самым не соответствует факту субстанции.

Заключение

I. Изучив вторую часть этого сочинения и предварительно освоив первую, не возникает никаких затруднений понять, что логика состоит не столько в приобретении знаний, сколько в избавлении своего мышления от метафизических нагромождений, создающих видимость хорошего умственного положения, но на самом деле только побуждающих ум гоняться за невидимыми надреальными сущностями. Мы располагаем массой примеров из истории науки и философии, когда мыслитель, имея достаточное количество эмпирических фактов, пересочинял их так, чтобы они сколько-то или полностью соответствовали метафизической догме. Отсюда и «вид без эволюции» Линнея, и «эволюция без вида» Ламарка, и теория катастроф, обожавшаяся почтенным Кювье, и подземные ведьмы Бэкона, и ньютоновская божья воля, – управляемость космических тел высшей силой, и упомянутая выше психофизическая картезианская проблема, и деизм Вольтера, на секунду, прекрасно ориентировавшегося в естественных науках.

Все эти научно-мировоззренческие нелепости прямо связаны с отсутствием жесткой, непротиворечивой логической системы.

Однако обязан важнейше оговориться. Упомянутых философов и ученых никоим образом упрекнуть невозможно. Нельзя сказать, что они по дурацости не дошли до достойной логической теории: если бы они не допустили этих ошибок, их бы допустил кто-то иной; мы этих ошибок не допускаем лишь потому, что уяснили, что они уже были совершены. Да и изложение логики, данной в первой части, стало возможным только в наше время, когда все ошибки уже сделаны. Примеры заблуждавшихся ученых и философов всего-то доказывают необходимость радикально материалистической логики, не позволяющей вновь допустить ошибки; мы никак не можем презрительно взирать на этих мыслителей с высоты нашего времени, поскольку это всего-навсего абсурдно.

Что же до тех, кто устанавливает логические ошибки основополагающими и возводит их в культ, делает из них образцы морали и нравственности,

которыми делится при первой же возможности, то должен высказать, что такие люди достойны не только критики, но и насмешливого отношения.

II. Предлагаемая здесь логика подобна скальпелю, с помощью которого мы можем «вскрыть» любое высказывание или ряд высказываний. Считаю, будет неплохо назвать это методом логической вивисекции.

Для того, чтобы продемонстрировать последовательность логических шагов, я возьму высказывание «свобода воли есть факт сознания».

Во-первых, во всяком суждении или умозаключении, представленным высказыванием, нужно найти коренное понятие, раскрывающееся в суждении или умозаключении. Таковым является понятие «свобода воли». Почему не «сознание»? Потому что свобода воли выступает в данном высказывании как предикат, необходимый сознанию, и за счет этой предикативности раскрывается понятие свободы воли: понятие «сознание» тут весьма второстепенно и в своем определении во многом зависит от определения такого понятия как «свобода воли».

Во-вторых, я рассматриваю его онтологизм; я его, так сказать, подвергаю проверке; задаюсь вопросом: "Если это существует, если это онтологически проявлено, оно должно выполнять все условия существования. Точно ли они выполняются?". Вместе с тем я учитываю и специфику самого онтологизма данного понятия: свобода воли, таким образом, состоит в индетерминизме.

В-третьих, я вспоминаю, что существование неизбежно полагается через причинность; вспоминаю, что существование полагается только через детерминизм; вспоминаю, в конце концов, седьмой параграф из второй части сего несчастного сочинения, и держу ту идею, что понятие «свобода воли» не соответствует факту субстанции.

В-четвертых, я, вновь присовокупив рассмотренное понятие к остальному высказыванию, заключаю, что высказывание «свобода воли есть факт сознания» выполняет функцию ложности, поскольку в качестве предиката сознания рассматривает онтологически проявленное ничто, которое

онтологически неизбежно ложное и которое есть в этом высказывании в качестве своей дефиниции.

Что же касается до высказываний, выполняющих функцию истинности, то их рассмотрение не входит в данную работу по причине их абсолютной эмпирической достоверности. Они полностью заключаются в *действительности* (такowymi, например, являются: «Организм в целом и отдельные его системы в ответ на воздействие агентов внешней среды отвечают реакцией физиологической адаптации»; или: «Протон состоит из двух верхних и одного нижнего кварка»). Внимания заслуживают именно надсубстанциальные надстройки.

Более детально получится разобрать на примере высказываний из сочинения Ильина «За национальную Россию. Манифест русского движения», его диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и из работы Гегеля «Философия права». Замечу, что будут приводиться выписки лишь тех цитат, в которых дозировка демагогии не так высока и которые не являются развитием уже разрушенных выкладок. Также меня ни в малейшей степени не волнует благородство идей глубокоуважаемого Ивана Александровича; никто не может поспорить с тем, что они светлы и во всех отношениях добродетельны. Интерес представляет исключительно логическая сторона.

И добавлю, что выписки из текстов, авторство которых принадлежит Ильину, сугубо историчны. Речь идет только о Российской Империи, о стране, в которой вольномыслие поощрялось каторгой; о стране, в которой господствующая религия насаждалась на уровне закона; о стране, в которой за публичное выраженное несоответствие государственнической догме III отделение, видимо, из теплого родительского чувства обеспечивало надзор; о стране, в которой отсутствовала всякая свобода собраний, в которой живое публицистическое слово было сжато цензурными тисками. Ничего подобного в современной, действительно прогрессивной России заметить невозможно: в Конституции закреплена свобода вероисповедания, Конституция дарует нам подлинную свободу слова; в ней, Конституции, четко написано, что никакая идеология не может устанавливаться

государственной. Словом, на высшем юридическом уровне в нашей стране провозглашены светскость, свобода веры, совести, печати, – и это неукоснительно соблюдается в действительности. Потому прошу не пытаться уличить автора этих строк в настроениях, противных нашему государству, – он глубоко убежденный патриот.

«Мы должны надеяться на Бога, на духовные силы национальной России и на самих себя, верных Богу и родине. И только; этого довольно, и больше надеяться нам не на кого»¹¹

Данное высказывание постольку, поскольку предполагает необходимость контакта между нервной системой и персонализированной высшей силой, является дефиницией высказывания «дух внутренний [душа] положен только через дух внеположенный». На основании всего разобранного выше, можно без сомнения сделать вывод о том, что данное высказывание выполняет функцию ложности, а значит, не имеет онтологического статуса, то есть не находит места в действительности, так как объявляет субъективное вне субъективного.

«Здесь нужна крепкая вера в Бога и воля к жизни. Здесь необходимо полусознательное, национально-государственное чутье; и чувство собственного достоинства. Нация есть живая система самоутверждения и самопомощи. Ей не на что и не на кого надеяться, кроме Бога и своих собственных сил. И после верности Богу — у нее нет другого высшего закона, кроме самоподдержания и расцвета духовно-национальных сил <...>

Только самодеятельностью спасаются народы. Только в самостоянии будет жить Россия. Никто ей не поможет. Она должна помочь себе сама: молитвенным подъемом и действенной волей»¹²

¹¹ И.А. Ильин, «За национальную Россию. Манифест русского движения» / <http://ivan-article.narod.ru/index.htm>

¹² Там же.

Существование здесь – исключительно как предикат божественного. Приведенное высказывание – некоторая дефиниция иного высказывания: «Реальное положено только через идеальное, и идеальное себя утверждает в реальном». Как бы г. Ильину ни хотелось постулировать величие Российской Империи, являющейся державой по своей богоизбранности, и мудрость божию, доказываемую тем, что высший дух избрал такое государство, – сама богоизбранность государства делает невозможной ни само существование данного государства, ни само существование высшей силы подобно тому, как идеальность и реальность вместе делают невозможными друг друга. Полагаю, разумно отказаться от положения о богоизбранности государства, чтобы признать хотя бы его существование, пускай и бывшее.

«Национальная духовная культура творится из поколения в поколение не сознательной мыслью и не произволом, а целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа; и прежде всего, инстинктом и бессознательными, ночными силами души»¹³

Это высказывание – дефиниция того же утверждения, дефиницией какого является и утверждение из первой выписки. Если культура – реальность (реализация идеальности), а душа – некий ретранслятор высшей силы, творящей через этот ретранслятор культуру, то ни культура, ни высшая силы невозможны, как невозможны и реальность, и идеальность в совокупности.

«Итак, за Россию отвечаем перед Богом мы все, все сословия, все партии, все поколения, весь народ»¹⁴

Можно подумать, самодостаточному богу, себе тождественному и в своем могуществе ни в чем не нуждающемуся, необходима некая реализация своей воли в виде определенного государства. Если так, то, во-первых, все

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

сочинения г. Ильина, направленные на спасение Российской Империи, делаются совершенно бессмысленными, потому что бог не позволит уничтожиться тому, что составляет необходимое условие его существования; во-вторых, сам бог делается невозможным по той причине, что для своего существования нуждается в реализации, обнаруживающейся в государстве.

«Русская революция есть последствие и проявление глубокого мирового кризиса, переживаемого всеми странами, каждую по-своему. Этот кризис грозит всем народам. Он назревал давно, но большинство не видело его и не разумело. Сущность его в засилии материи и в бессилии духа»

Право слово, ув. Ильин как гегельянец, пускай и заигравшийся в христианство, должен признать, что дух хотя бы потому, что превалирует над материей (а иначе бога нет), всецело диктует материи организацию и устройство. Как же так вышло, что дух, с которым материя полностью должна согласовываться, допускает материальное своеволие? По-видимому, госпожу материю следует выпороть, не забыв вынести выговор. Это утверждение не просто не соответствует материалистической логике, но и идеалистической. Это, несомненно, абсурд в высшей степени.

«Истинная наука не исключает веру и не разрушает ее. Безбожие есть не высшее проявление культуры, как думала русская интеллигенция, а проявление духовной слепоты, духовной нечуткости и ограниченности. Христианское откровение отнюдь не осуждает науку и не стремится заменить ее. Русской интеллигенции предстоит великая творческая задача — внести дары христианства в научное исследование и утвердить христианство светом истинного научного знания»¹⁵

Среди религиозных философов имеет популярность то воззрение на науку, — а именно на биологию, физику, химию и прилегающие к ним дисциплины, — что она выражает только одну сторону *бытия*, что она слепа к духу, что она

¹⁵ Там же.

занимается познанием *конкретно-эмпирического*, не ведая *абстрактно-формального*. Любой богослов вам скажет, что наука требует обуздания дисциплинами духовного порядка, потому как занимается лишь одним звеном в цепи *идеальности-реальности-самопознания идеальности через свою реализацию*. Стоит непоседливым ученым прояснить, что материальные явления – лишь видимость духа, и тут же они, ученые, придут к вернейшим выводам о природе. Это недоразумение уже было затронуто в параграфе о панлогизме, однако Ильин понуждает высказаться еще раз.

Мечтательность Ильина, по-видимому, не знала пределов: по его мнению, всякий научный труд должен безусловно согласовываться со священным писанием.

Если научное сообщество приняло бы на веру умозаключения Ильина, то положив руку на сердце должно было бы признать весьма большой разряд глупостей только из соответствия христианской догме. Тут же принялись бы за неустанное написание диссертаций о геоцентризме (привет г. Флоренскому), тут же академики подвергли бы такой ревизии представления о филогенезе различных организмов, что сборники трудов духовных семинарий, пожалуй, можно было бы снабдить новейшими разделами; тут же подвергли бы самому радикальному пересмотру представления о геологических эрах; кардинальным образом изменились бы данные из области химии, поскольку изучение состава святой воды не могло бы не повлечь научный переворот: наконец нашлось бы экспериментальное подтверждение особой духовности несолеобразующих оксидов. Иными словами, наука смогла бы до того преобразиться, что изменила бы своему главнейшему принципу полноценного и трезвого осмысления действительности.

Да и Ивану Александровичу ничего не мешало хотя бы на время отложить Соловьева и Гегеля, чтобы сколько-то ознакомиться с историей науки. Для него весьма неожиданным стало бы то обстоятельство, что естествознание к концу XIX в. большей частью преодолело метафизические построения; он с великим удивлением узнал бы, что в самом основании науки – радикально материалистическая философия Ламетри и Гольбаха; он, в конце концов,

был бы вынужден примириться с тем, что наука может быть только материалистической. Наука, перестающая быть материалистической, сама себя разрушает: ей становится противной действительность, а ремесло естествоиспытателя обращается только на обслуживание духовенства.

Это высказывание Ильина, приведенное в выписке, логически ошибочно: оно – дефиниция высказывания «осмысление материи состоит в умопостижении духа»; это высказывание само себя отрицает, поскольку постижении материи позволяет понять, что дух – логическая ошибка; постижение материи через дух, очевидно, приведет к самому искаженному пониманию материи.

«§257. Государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как очевидная, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает.

В нравах она имеет свое непосредственное существование, а в самосознании единичного человека, его знания и деятельности – свое опосредованное существование, равно как самосознание единичного человека посредством умонастроения имеет в нем как в своей сущности, цели и продукт своей деятельности свою субстанциальную свободу. <...>

§258. Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членами государства.

Примечание. Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то интерес единичных людей как таковых оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в

зависимости от своего желания можно быть или не быть членом государства. Однако на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное; поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства»¹⁶

«Основная сущность государства, в понимании Гегеля, может быть определена так: это есть метафизически-конкретное единство эмпирически-дискретного множества людей <...> И вот все учение Гегеля о государстве есть учение о том, в чем состоит и как осуществляется спекулятивно-политический строй и порядок в условиях конкретного-эмпирического; это есть своего рода "спекулятивная политика", выслеживающая и описывающая те субъективные (т. е. одинаковые у всех) и объективные (т. е. общие для всех) связи, наличие которых объединяет людей в единый народно-государственный организм. Для того чтобы это объединение состоялось, множество людей, ведущих самостоятельное и дискретное существование, должно образовать единую субстанцию народного духа, жизненное содержание которой определяется термином «нравственность», а жизненная форма — термином «государство».

Итак, в основании государства лежит наличие определенного народного духа.

Бытие народного духа отнюдь не есть фикция; его существенная природа отнюдь не пребывает в сфере туманной недосказанности; его свойства и черты совсем не расплывчаты; его понятие совсем не страдает неопределенностью. Если кто-нибудь в истории мысли имеет право оперировать с этой категорией как достоянием разума и познания, то это именно Гегель; и не его вина, что целые поколения его мнимых последователей, просмотрев внутреннюю сущность этой идеи, превратили ее содержание в выветрившийся пустой звук или же удобопревертную туманность.

¹⁶ Г.В.Ф. Гегель. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990.- 279 [2] с., 1 л. портр. – (Филос. наследие).

Народный дух в своем зрелом виде есть тождество всеобщего самосознания и всеобщей воли. Он есть дух именно потому и постольку, поскольку самосознание и воля вообще составляют основную природу духа; он есть народный дух именно потому и постольку, поскольку его самосознание есть трижды всеобщее самосознание, и его воля есть трижды всеобщая воля»¹⁷

(И.А. Ильин, «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Часть третья, учение о смысле человеческой жизни, глава двадцатая)

Можно было бы без зазрения утверждать, что Ильин и Гегель утомляют читателя софистикой, но только в том случае, если бы они совершенно сознательно вводили публику в заблуждение. Ни Ильин, ни Гегель не имели намерений оболванить философскую среду, в какой каждый из них находился. Некоторой шутки или сатиры в их словах также не подмечается. Стало быть, эти философы высказывали свои мысли совершенно серьезно, без анекдотизма и с самыми благими, честными намерениями – тем хуже.

Реализуется ли в нынешнее время философия Ильина, этого преемника Гегеля, силами некоторых государственных руководителей – нам решительно не интересно, для нас это ни в коей мере не важно. Пусть их выкладки, осмелюсь сказать, будут витать в воздухе, как и критика их воззрений.

Невозможность реальности как предиката идеальности уже подробнейшим образом объяснена. Этот аргумент, я уверен, несколько наскучил, поэтому удовлетворю теоретизированиям наших мудрых идеалистов и подвергну рассмотрению третье звено цепи, а именно – самопознание идеальности. Подвергну, создав логическую фикцию: допущу, что идеальность, правда, реализовалась, допущу, что реальность произошла как развитие идеальности.

¹⁷ И.А. Ильин. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. В двух томах. СПб «Наука», 1994. 411-412 с.

Как известно уже знающим и как понятно прочитавшим выписки, государство в трактовке Гегеля и Ильина представлено третьим звеном: в государстве бог самосознается, поскольку объективный дух в лице людей отрицает сам себя через религию, культ, и достигает «слияния», «единства» с субъектом наддействительным. В государстве антитезис объективного духа, вобравший в себя тезис субъективного духа, затмевается, снимается выступившим в авангард тезисом, – так настает синтез возвратившейся к себе, познавшей себя идеальности.

Государство, таким образом, призвано нести светоч религии; властители совместно со служителями культа должны наставлять каждого гражданина на путь истинный. Если мы редуцируем, то легко усвоим, что существование гражданина тем самым полагается через ничто. Идея ставится прежде жизни, обязует жизнь становиться так, чтобы она содействовала богоизбранности государства. Логическая ошибочность идеалистической концепции права в том, что жизнь граждан, существующих в государстве на благо ничто, мало того, что за подчиненностью ничто обращается в ничто, так еще и не может составить настоящего государства, поскольку целокупное выражение ничто и явит только ничто. Синтез сам себя отрицает до ничто. Поэтому любое идеалистическое или религиозное определение государства выполняет функцию ложности.

Итак, легкими штрихами мной был продемонстрировано аналитическое применение логического метода.

III. Немаловажно отметить, что мышление, в котором имеют место дефиниции ничто, совсем не обязательно сознает ничто как таковое. Верующий, как правило, не знает, что дефиниция ничто, которой он поклоняется, вообще является собой. Ничто в мышлении массы людей неизбежно пребывает в виде дефиниций и посредством них заставляет мышление обманываться. Даже Гегель, одновременно и державшийся идеалистической, религиозной логики, и прекрасно ее описавший, не понимал, что перед абсолютном, вроде как творящим реальность через ничто и познающим себя через ничто, стоит ничто.

Ни один человек, мышление которого вооружено ничто и его дефинициями, не ведает природы логических ошибок; ведь стоит ему понять ее – и он тут же перестанет мыслить ошибочно. Маскировка ничто, очевидно, позволяет мышлению довольствоваться ничто. Маскировка пропадает – и мышление понимает ничто во всем его ложном онтологизме. Ничто, без сомнения, удовлетворяет мышление только посредством своего обмана.

Однако дерзну сказать, что обман этот крайне важен. Я не призываю предавать забвению логические ошибки, я не прошу забыть бога, не прошу оставить на обочине истории представления о свободе воли и душе. Умоляю вас, необходимо помнить нелепости человеческого мышления, чтобы более никогда не предаваться им.

Более того, идея бога, идея какой-либо надсубстанциальной сущности, идея духовного играет замечательную роль в теории познания. Подлинно познать материю возможно только через опровержение всякого надматериального. Иными словами, познание субстанции напрямую зависит от опровержения сверхъестественного. Я подлинно познаю материю только тогда, когда вместе с тем познаю и невозможность нематериального. Только в этом противопоставлении есть высказывания, выполняющие функцию истинности; ее высказывание выполняет, если достоверным образом трактует природные явления, а такая трактовка возможна только с независимостью мышления от логических ошибок. Я не вижу в качестве источника человеческих действий свободу воли – я вижу сильнейшую зависимость действий от природных обстоятельств. Я не вижу богом данных, вечно неизменных видов – я вижу эволюционирующие организмы. Я не вижу государство исполнителем религиозной миссии – я вижу государство общностью людей, объединенных для наилучшей организации жизни каждого индивида и достигающих этого путем научно-технического прогресса. Я не вижу духа – я вижу незнание природных взаимодействий. Я не вижу противоречия между душой и телом – я вижу всецело сообразную с собой телесность. Я не вижу права как трансляции божественной воли – я вижу право как упорядочивание деятельности людей, объединенных из необходимости удовлетворять потребности в совместном труде.

Что же до будущих перспектив логической системы, предлагаемой мной, то могу сказать, что в силу достаточной согласованности с естественными науками она вполне может выступать руководителем каждому человеку, решившему обрести положительное знание. Всякий, приступивший к изучению нейрофизиологии и снарядивший свой ум системой, обнаружит логическую симфонию в нервных явлениях: от различения и тождества в процессах раздражения и торможения до механичности устройства рефлекса. Любой, усвоивший эту логику и нашедший смелость постигать взаимосвязь между разными видами энергии, узреет, что переход химической энергии в электрическую и электрической – в механическую суть смена явленческих состояний, осуществляющаяся через движение элементарных частиц, гносеологически названных мной моментами, в каждом новом тождестве составляющих новое состояние. Это, можно сказать, онтологическая сторона.

Чтобы сказать об ином применении, попрошу вспомнить читателя о связи между *онтологией, гносеологией и этикой*, – связи, которую закрепил прорицатель материалистической мысли, – пускай и допуская ошибки, – Эпикур и с которой нахожу разумеющимся согласиться. Если наша эмоциональная жизнь, как и наши поступки, – прямейшее следствие того, как мы воспринимаем действительность, то логика, представляющая собой основание знания о реальности и нечто, чем наши умы вооружаются в первую очередь, определяет наше поведение, служит, вне зависимости от того, сознаем мы то или нет, движущей силой нашему поведению и нашему настроению. Если я действую и чувствую согласно тому, *как понимаю* устройство реальности, то, например, фаталистическое представление о *существующем* сделает для меня совершенно бесполезными чувства скорби, сожаления, горечи и печали, заставит меня никогда не держать обиду на какого бы то ни было человека, избавит меня от переживаний касательно некогда сделанных глупостей, ведь я *понимаю*, что всё случившееся – *неизбежность, явствующая из самой природы реальности*. Это составляет этическую сторону, которая получит свое развитие в последующих работах.

Список использованной литературы

1. Русская идея / Николай Бердяев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 320 с. – (Азбука-классика. Non-Fiction)
2. Г.В.Ф. Гегель. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990.- 524 [2] с., 1 л. портр. – (Филос. наследие).
3. Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с немецкого языка Бориса Столпнера; предисл. Марка Розенталя; примеч. Владимира Брушлинского. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 912 с. – (Всемирное наследие)
4. Г.В.Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. Отв. ред. Е.П. Ситковский. Ред. коллегия: Б.М. Кедров и др. М., «Мысль», 1975. 695 с.
5. А.И. Герцен. Сочинения в двух томах. Т. 1. Издательство «Мысль», 1984. 590 с.
6. Гольбах, Поль Анри. Избранные произведения в двух томах. Под общ. ред. и со вступит. статьей Х.Н. Момджяна. Пер. с фр. М., Соцэкгиз, 1963. (Б-ка «Философское наследие»). Т. 1. 715 с.
7. Дени Дидро. Избранные философские произведения. Москва. ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1941. 278 с.
8. Рассуждения о методе ; Начала философии ; Страсти души : [перевод с французского] / Рене Декарт. – Москва : Эксмо, 2019. - 560 с. – (Библиотека избранных сочинений).
9. Кузнецов В.Н. Франсуа Мари Вольтер. М., «Мысль», 1978. 223 с. (Мыслители прошлого).
10. Или – или. Фрагмент из жизни : в 2 ч./ Сёрен Кьеркегор ; пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч., Н. Исаевой и С. Исаева. – СПб : Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии : Амфора. ТИД Амфора, 2011. – 823 с.
11. Ламетри Ж.О. Сочинения / Общ. ред., предисл. и примеч. В.М. Богуславского. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1983. – 509 с., 1 л. портр. – (Филос. Наследие.) - В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии.
12. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. – М.: Политиздат, 1986.- 478с., ил.

13. Д.И. Писарев. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Москва «Наука». Т. 3. – 525 с. - 2001. Т. 4. – 394 с. - 2001. Т. 8. – 597 с. - 2008.
14. Академик Павлов. Избранные сочинения / Павлов И.П., Мясников А.Л. – Москва : Издательство «Э», 2015. – 736 с. – (Доктор Мясников представляет: Антология медицинской мысли).
15. Этика / Бенедикт Спиноза ; пер. с лат. Н.А. Иванцова. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 336 с. – (Азбука-классика. Non-Fiction).
16. Жан-Поль Сартр. Экзистенциализм – это гуманизм / https://scepsis.net/library/id_545.html
17. Владимир Соловьев. Чтения о богочеловечестве : Статьи ; Стихотворения и поэма ; Из «Трех разговоров...»: Краткая повесть об Антихристе. Сост. и примечания А.Б. Муратов. 528 с. СПб.: «Худож. Лит», 1994 г.
18. Людвиг Фейербах. Избранные философские произведения. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1955. Т. 1. – 667 с. Т. 2. – 922 с.
19. А.С. Хомяков. Сочинения в двух томах. М.: Московский философский фонд. Издательство «Медиум», 1994. Т. 1. - 591 с. Т. 2. – 479 с.
20. Н.Г. Чернышевский. Собрание сочинений в пяти томах. Издательство «Правда». Москва. 1974. Т. 4. – 415 с.
21. Анти-Дюринг : [перевод с немецкого] / Фридрих Энгельс. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 576 с. – (Эксклюзивная классика).